

Снова используя своё тело как приманку, Красавец на этот раз был активнее. Он сам подставил грудь, сунув сосок ему в рот, обнимая за шею и постанывая:

— Ммм... муж...

Иэрдань был в восторге, чувствуя себя спасённым от смерти, и, двигаясь внутри, спросил:

— Как ты меня назвал?

Красавец сам поцеловал его, умоляя:

— Муж, помоги мне спасти брата.

Услышав это обращение, Иэрдань был готов на всё, даже снова отправиться в Ханьский дворец. Их поцелуй был страстным, и они занимались любовью с особой яростью, словно пытаясь избавиться от страха и соединиться. Иэрдань, слушая учащённое сердцебиение, хотел убедиться, что в его сердце есть место для него:

— Яньчжи, ты любишь меня?

Красавец закрыл глаза, тело непроизвольно выгнулось. Он весь был в поту, волосы на лбу слиплись. Чтобы угодить Иэрданю, он кивал:

— Люблю... ммм...

Иэрдань был доволен, но настаивал:

— Насколько? Больше, чем отца? Больше, чем брата?

Красавец, раздражённый его ревностью в такой момент, обнял его:

— Люблю тебя больше всех, муж. Муж, спаси брата.

Иэрдань сначала широко улыбнулся, но, услышав последнюю фразу, снова помрачнел от ревности. Он злобно придвинулся, кусая его. Красавцу было больно, но он продолжал мягко обнимать его и уговаривать:

— Слушай меня, хорошо? Ммм...

Его тело сотрясало от оргазма, и он на мгновение забыл обо всём, погрузившись в удовольствие. Иэрдань яростно вгонял в него свой член, а он, словно похотливая змейка, извивался, сжимая тот внутри себя.

Под утро Красавец уже умолял Иэрданя остановиться, но тот продолжал, пока его тело не покраснело от боли, не наполнившись липким семенем. Иэрдань, словно его отец, требовал:

— Яньчжи, роди мне ребёнка.

Красавец, рыдая, обнял его и согласился.

Красавец и Иэрдань оставались в Лояне несколько месяцев. Днём Иэрдань с охраной искал информацию, а вечером докладывал Красавцу. Он запретил ему выходить из гостиницы, обещая сам разобраться с проблемой Ханьского императора.

Император был в ловушке. Ханьский дворец скрывал новости, поэтому армия за пределами Лояна не знала, что император фактически находился под домашним арестом у Тайвэя. Тайвэй не осмеливался убить императора — его авторитет был ещё силён, и это сделало бы регента врагом всех. Тайфу, не имея военной власти, опирался на авторитет наследника престола и императрицы, чтобы поддерживать порядок. Главной проблемой было то, что Западный дворец стал мёртвой зоной, и никто не знал, что происходит с императором. Шпионы хунну сообщили Иэрданю, что император сошёл с ума, и только юноша по имени Жун мог приближаться к нему, не рискуя быть убитым.

Никто не мог подойти к императору. Жун также был под строгим контролем императорской гвардии и не мог покинуть Западный дворец. Его еду каждый день подмешивали снадобья, от которых император становился всё безумнее.

Услышав, что брат сошёл с ума, Красавец чуть не потерял сознание от горя. Он готов был упасть на колени перед Иэрданем, умоляя спасти брата. Он верил, что брат поправится, если узнает, что он и Ли'эр живы.

Передать весть о том, что Красавец жив, стало первоочередной задачей. Но кроме еды и напитков, ничего, содержащего письма или изображения, не могло попасть во дворец. Единственной связью с императором оставался Жун.

Перед тем как цветы груши в императорском саду опали, рядом с завтраком императора положили ветку груши с росой. Жун, стоя на коленях за его спиной под наблюдением главы императорской гвардии, умолял:

— Ваше Величество, цветы груши в саду сейчас прекрасны. В эти дни погода хорошая, может, выйдете прогуляться?

Император сидел на коленях перед чёрной поминальной табличкой, его волосы были растрёпаны, а тело истощено. Его лицо, когда-то величественное, теперь было измождённым и грязным. Волосы поседели наполовину, и он выглядел как призрак. Лекарства, которые ему давали, имели сильные побочные эффекты — он то впадал в безумие, то ненадолго приходил в себя. Его лицо было обезображено: правая сторона покрыта шрамами от ожогов после пожара, и даже лучшее лечение не могло их устранить. Правый глаз почти ослеп, и он видел всё в красном тумане, словно сквозь пламя. Правая бровь была сожжена, и теперь его лицо выглядело ужасающе, асимметричным и неровным. Даже глава гвардии не решался смотреть на него прямо, словно на привидение.

Император медленно взял ветку груши, с трудом разглядел её и, не говоря ни слова, положил обратно. Лицо его на мгновение стало умиротворённым. Глава гвардии, видя, что император не ест, прикрикнул на Жуна:

— Быстро накорми Его Величество!

Жун, дрожа, встал на колени перед императором, зачерпнул ложку мясного пюре и, с трудом сдерживая слёзы, сказал:

— Ваше Величество, поешьте.

Император открыл рот и медленно проглотил предложенную ему еду. Жун, продолжая кормить, плакал:

— Ваше Величество, может, сегодня выйдете прогуляться?

Император молчал, не отрывая взгляда от полуувядшей ветки. Жун, казалось, уже привык к тому, что император не отвечает, и продолжал болтать, словно просто желая его развлечь:

— Если не хотите гулять, я расскажу вам что-нибудь интересное снаружи.

Глава гвардии хмуро смотрел на этого мальчишку, который слишком много говорил. Жун, не обращая внимания, продолжал:

— В последнее время потеплело, и ласточки с севера прилетели во дворец, построили гнёзда и вывели птенцов.

Император опустил веки и снова медленно, почти заторможенно, проглотил предложенную еду. Жун, радуясь, сказал:

— Когда вы поправитесь, я покажу вам этих птенцов.

На следующий день Жун помог императору дойти до угла крыши, где ласточки свили гнездо. Западный дворец, долгое время не убираемый, зарос сорняками, и ласточки построили гнёзда прямо на стенах. Жун, радуясь, произнёс:

— Ваше Величество, видите? Ласточки в порядке, и вы тоже скоро поправитесь.

На мрачном лице императора впервые появилась слабая улыбка.

Его Жун'эр когда-то говорил, что хочет стать ласточкой, прилететь из северных степей в Ханьский дворец, сесть ему на плечо и каждый день приносить веточку с росой.

Его Жун'эр... всё ещё жив.

На седьмое лето правления Ханьского императора послы сюнну снова прибыли в Лоян, чтобы просить о мире. Иэрдань, по настоятельной просьбе Красавца, снова связался со своим братом Улэйжо. Тот в панике добрался до Хулуня, но узнал, что его брат отправился в Лоян с Красавцем.

Улэйжо пришёл в ярость — никогда ещё он не был так зол и отчаян. Как Яньчжи мог быть таким безрассудным, взяв его брата в Лоян, в Ханьский дворец! Он не мог допустить, чтобы с кем-то из них что-то случилось, иначе как он посмотрит в глаза отцу перед смертью!

Улэйжо немедленно отправился в Лоян. Оба принца тайно прибыли туда. Фуло, узнав об этом, был в ужасе и немедленно отправил послов в Ханьский дворец.

Император, под давлением чиновников, принял послов сюнну. Тайвэй, желая использовать императора как марионетку, продолжал подмешивать ему лекарства, и разум государя становился всё более затуманенным. Хотя он больше не убивал в припадках безумия, он засыпал, читая доклады. На одном из утренних собраний император объявил Тайвэя регентом. Тот, взяв власть, решил не портить отношения с сюнну. Все прежние обвинения были сняты, и он с улыбкой принял письмо от шаньюя Фуло, пообещав вечный мир и пригласив послов на вечерний банкет.

На банкете император, чувствуя недомогание, рано удалился. Тайфу также был вызван императрицей к наследнику престола, оставив регента вести переговоры с послами государства Хунну.

Во время банкета вспыхнул пожар, и сотни чиновников, включая главу императорской гвардии, погибли в огне.

Красавец, даже когда Улэйжо прибыл в Лоян, ничего об этом не знал. Он продолжал полагаться на Иэрданя, угождая ему и стараясь развлечь. Иэрдань рассказывал ему новости об императоре только после близости, и Красавец, терзаемый тревогой, был полностью в его власти, испытывая к нему смесь ненависти и любви.

<http://bllate.org/book/16253/1462260>